

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

А. Г. Быкова, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского юридического института, кандидат исторических наук, доцент

Важнейшей характеристикой любой алкогольной системы, индикатором степени и масштабов развития пьянства и алкоголизма в стране являются особенности распределения общего объема потребляемого алкоголя среди ее населения, т. е. выявление численности и состава пьющих, непьющих и пьющих умеренно, распределение потребляемого алкоголя по различным возрастным группам и т. д.

По данным Министерства финансов, с 1863 по 1910 г. общее потребление алкогольной продукции составило 90 миллионов ведер водки в 40°, в то время как душевое потребление вина сократилось с 1,23 до 0,56 ведра водки в 40°.

Первый год действия акцизной системы (1863 г.) был ознаменован резким падением уровня общего потребления вина на 34 %. Официальная статистика свидетельствовала, что во второй половине XIX в. в России наблюдалось сокращение среднедушевого потребления водки: с 1863 по 1893 г. оно упало на 35 %. Однако с 1894 г. этот показатель медленно пополз вверх и к 1900 г. увеличился на 6 %. С 1901 г., когда на большей части территории империи была введена казенная винная монополия, уровень среднедушевого потребления, как водки, так и всех спиртных напитков в целом, медленно, но уверенно стал расти. С 1900 по 1910 г. он вырос еще на 7 %. В 1913 г. потребление водки на душу населения в среднем по России составило 0,30 ведра.

С. А. Первушин, анализируя уровень потребления алкогольных напитков разными категориями населения, пришел к следующему заключению: «1) Потребление спиртных напитков в больших городах в 4-4,5 раза больше крестьянского потребления; 2) потребление спиртных напитков в рабочих кварталах города в 3-4 раза больше потребления в

кварталах состоятельных классов; 3) городские рабочие кварталы - очаги нашего пьянства»¹.

Объясняя различия в потреблении крепких напитков в городе и деревне, В. К. Дмитриев писал о том, что «в городских условиях жизни водка перестает быть для потребителя редкостью и переходит в число обычных, ежедневных продуктов потребления, а для многих становится даже более необходимым продуктом потребления, чем хлеб»². В литературе середины XIX в. широкое распространение пьянства среди крестьян обычно объяснялось тяжелым крестьянским трудом, территориальной замкнутостью сел. Интересны рассуждения по этому поводу сенатора Московских департаментов С. П. Шипова. Он считал, что основной причиной распространения пьянства среди крестьян являлось отсутствие путей сообщения, из-за чего основной продукт крестьянского труда - хлеб - не находил необходимого сбыта. Оставался единственный экономически выгодный путь использования излишков сельскохозяйственной продукции - изготовление спиртных напитков. Этим широко промышляли помещики, сбывая потом спиртные напитки в сельской местности³.

Тяжелые условия жизни простого народа, побуждавшие к увеличению потребления спиртных напитков в конце XIX - начале XX в., привели к расширению продаж, а соответственно, и к увеличению дохода от торговли спиртными напитками, особенно среди рабочих.

24 октября 1898 г. доктор медицинских наук, редактор журнала «Вестник Трезвости» Н. И. Григорьев, выступая перед членами Комиссии «По вопросу об алкоголизме» с докладом «О пьянстве среди мастеровых в г. С.-Петербурге», сказал: «Петербургские мастеровые пьют довольно своеоб-

¹ Первушин С. А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. - СПб.: Изд. Комиссии по вопросу об алкоголизме, 1912. - С. 13.

² Дмитриев В. К. Критическое исследование о потреблении алкоголя в России. - М.: Изд. В. П. Рябушинского, 1911. - С. 170.

³ См.: Шипов С. П. О трезвости в России. - СПб., 1859. - С. 4.

разно. Имеются, например, субъекты, которые, не выпив... водки утром, за чаем, – не примутся за работу... Нам нередко попадались люди, которым в день выпить 1-2 бутылки водки нипочем, – и они даже за трезвых и степенных людей слынут!»⁴

На потребление спиртного рабочими влияют и такие факторы, как высокая продолжительность рабочего дня, а в «горячее» время и того больше: «дурное и недостаточное» питание; антисанитария квартирных помещений, связанная с недостатком света, воздуха, тепла, сухости, чистоты и скученностью. Все эти факторы, сопровождающиеся чувством разбитости, расслабленности, недомогания, подавленным и мрачным настроением духа, недовольством, раздражительностью, неохотой и даже отвращением к работе, порождают более или менее напряженное влечение к искусственному возбuditелю – алкоголю, доставляющему минуты временного «забвения».

Впечатляющая картина пьянства среди фабричного населения, обусловленная его экономическим положением, была описана в двух докладах П. А. Распопова, автора единственного в своем роде исследования «О положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии». Хотя этот доклад касался только отдельного округа, нарисованная им картина заслуживает особого внимания, так как была присуща всем фабричным районам.

Положение фабричных рабочих в Богородском уезде (самом крупном в Московской губернии по масштабам фабрично-заводской деятельности) автор характеризует как крайне безысходное. Месячный заработок мужчины равняется в среднем 11,25 руб., женщины – 7,60 руб., подростка – 4,55 руб. В казармах, в которых живут рабочие, отсутствуют средства гигиены. Рабочие спят впопалку на грязных нарах в той же атмосфере, которую оставила после себя смена, только что ушедшая на работу (вентиляция зимой не полагается).

Все съестные припасы рабочие вынуждены приобретать в фабричной лавке, где их обшчитывают, обвешивают и отпускают залежалый товар. Эксплуатация детского труда применяется в широких размерах. Медицинская помощь поставлена крайне плохо. На 2 957 подростков, работающих на фабриках Богородского уезда, имеется 6 школ, в которых обучается 461 ученик, т. е. 15,5 % из работающих на фабрике являются подростками. Старые рабочие, потерявшие работоспособность, не получа-

ют никакого пособия от фабрикантов. Положение кустарей еще хуже, заработок ниже, а продолжительность рабочего дня больше, дети эксплуатируются с самого раннего детства (иногда с 6 лет).

Неудивительно, что пьянство в Богородском уезде приняло огромные масштабы. Количество питейных заведений в уезде в 1839-1897 гг. (за 58 лет) увеличилось почти в семь раз, а душевое потребление крепких напитков вдвое превышает среднее потребление губерний центрально-промышленного района⁵.

Потребление крепких напитков среди крестьянского населения носило бытовой, почти обрядовый характер. «Деревенское потребление определяется, главным образом, обрядовыми мотивами, установившимися общественными обычаями, а не развитой личной склонностью к алкоголю, как это имеет место в городах, – пишет Д. Н. Воронов, проведший опрос в Пензенской губернии, – доказывается ничтожным числом среди крестьянского населения как регулярных потребителей, для которых вино является обычным спутником пищи, так и алкоголиков, привычных и запойных»⁶.

Интересны в этом отношении высказывания одного из сельских священников России первой половины XIX в., выступившего против замалчивания в государстве нарастающих страшных последствий откупного пьянства: «Неприлично ныне говорить о пьянстве, но упиваться еще неприличнее... Что значит излишнее потребление вина? – Это значит употребление крепких и хмельных напитков в такой мере, что человек помрачается в уме и теряет власть над своими членами... Упивающийся вином есть разрушитель... замечьте, не нарушитель, а разрушитель – именно разрушитель!» Далее он восклицал: «Упивающийся вином есть язва общества. Обратите опять внимание на слова: «язва общества». Это не преувеличение, а сущая истина... Упивающийся есть поношение человечества; он животное, а не человек!» Между тем «даже пьянствующий нищий – последний человек в обществе, ужасная для него болезнь и тягость»⁷.

В годы хороших урожаев, к примеру в 1909 г., коэффициент увеличения душевого потребления спиртных напитков значительно возрастал, поскольку, «с одной стороны, увеличивалось число событий, при которых полагается пить (свадьбы), а с другой – при таких событиях есть возможность выпить больше»⁸.

Анализ официальной статистики позволяет выделить в течение года четыре подъема потребления вина: 1) в сентябре и октябре после уборки

⁴ Дмитриев В. К. Указ. соч. – С. 184-185.

⁵ См.: Зайцева Л. И. С. Ю. Витте и Россия. Ч. 1. Казенная винная монополия (1894-1914 гг.): по научным публикациям и архивным материалам конца XIX – начала XX в. – М.: Ин-т экономики РАН, 2000. – С. 95-96.

⁶ Труды первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством: в 3 т. – СПб.: Тип. МВД, 1910. – Т. 2. – С. 10.

⁷ Слово о пьянстве, говоренное сельским священником в одном из близлежащих к Санкт-Петербургу селений. – СПб., 1838. – С. 3-4, 7-9.

⁸ Первушин С. А. Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России. – СПб., 1912. – С. 8.

урожаю и его продажи – праздники Покрова и Казанская справляются «разгульно, весело»; 2) «Никола зимний», Рождество увеличивают пьянство; «в марте потребление спиртных напитков спускается до самой низшей нормы в году»; 3) празднование Пасхи и Красной Горки вновь усиливают пьянство; 4) в июне потребление вина опять растет: наступают «заказные», «оброчные», «девятые», «десятые» пятницы, Петров день, сенокос, обычно сопровождающийся систематической выпивкой. Согласно данным Б. Н. Миронова, при всяком удобном случае пили 58 % взрослых крестьян, всегда, когда были деньги, – 11 %, и только 30 % употребляли алкоголь лишь в большие праздники⁹.

А. Н. Энгельгардт, раскрывая механизмы алкоголизации крестьянства, замечал, что она происходила в процессе тяжелого, изнурительного «мужицкого» труда, зачастую незаметно, поскольку «работающему мужику все нипочем, даже полезно выпить стакан водки в пять часов утра перед завтраком». В пьянство крестьяне втягивались с юных лет, видя пример близких и знакомых, но прежде всего – родителей. Автор писал: «Обыкновенно все начинают с того, что выпивают только за ужином, потом привыкают выпивать за обедом, потом мало-помалу привыкают опохмеляться утром, а раз человек стал опохмеляться – недаром говорится: «пей, да не опохмеляйся» – и утром натешишь вместо чаю пить водку – конечно, разумеется, конечно для человека...»¹⁰. Этот механизм вовлечения в пьянство безотказно действовал и применительно к остальному трудящемуся люду.

В начале XX в. медицинские работники неоднократно проводили социологические опросы среди различных групп населения с целью выявления характера и форм потребления алкогольных напитков. Так, в 1898 г. профессора Казанского университета провели социологический опрос среди учеников Казанского земского училища, в результате которого выяснилось, что 67,2 % учащихся уже были знакомы с алкогольными напитками, а 50 % были уже пьяными, и только 32,8 % никогда не пили спиртного¹¹. Обследование показало, что дети начинают употреблять алкогольные напитки с раннего возраста – 7-9 лет. Аналогичные результаты были получены в результате обследования народных училищ Московской губернии в 1909 г. В 7-8 лет 61,2 % мальчиков и 40,9 % девочек уже испытали состояние алкогольного опьянения.

Причиной раннего знакомства с алкоголем Д. Н. Бородин называл обычай «девичника». «Жених или отец жениха выносили в сени большой графин водки с закуской и начинали подносить всем по очереди по два стакана водки. Маленьким наливали такой же стакан»¹².

А. Коровин, выступая на первом всероссийском съезде по борьбе с пьянством, приводил шокирующую статистику распространения пьянства среди детей. Он утверждал, что главной причиной детского пьянства является пример родителей. Из обследованных им детей (22 617 чел.) 68,3 % мальчиков и 72,2 % девочек начали пить с подачи родителей. На вопрос: «Не стыдно тебе пить водку?» они отвечали: «Чего же стыдного? У нас и тятка, и мамка, и дедка, и меньшая сестра пьют, а отчего же мне не пить?» На вопрос: «Какие напитки пили?» 30,5 % мальчиков и 21,3 % девочек ответили, что употребляют только водку, 22,2 % и 32,1 % соответственно пили только пиво, 37,4 % и 21,3 % – водку и пиво, 9,9 % и 25,3 % – красное «церковное» вино. При этом на вопрос: «Что больше нравится?» 42,1 % мальчиков и 54,9 % девочек ответили, что предпочитают пиво, 22,6 % и 9,3 % соответственно доброжелательно относились к водке¹³.

Исторические источники позволяют говорить и о распространении алкоголизма в среде духовенства. Высокопоставленные церковные чины защищали «умеренное» пьянство. Протоиерей Н. И. Горчаков в 1899 г. говорил: «Правда, я не отказываюсь пить, но не до опьянения, а так, чтобы только весело было, и это полезно, даже в высшей степени, это укрепляет»¹⁴.

Не отставало от «высшего» духовенства и «рядовое». Поповское пьянство становилось привычным компонентом повседневной жизни. Известная картина В. Г. Перова «Сельский крестный ход на Пасху» (1861 г.) наглядно показывает эту оборотную сторону деревенского благочестия. «Трезвая жизнь» в 1910 г. отмечала, что во многих губерниях строго соблюдали оригинальный обычай. «Всегда, когда в дом вступал священник, крестьянин, получив благословение, сажит дорогого гостя в передний угол и предлагает выпить стаканчик для праздничка. Уж для кого, а для батюшки всегда найдется рюмочка. В праздник всякий проходящий мимо дома священника обязательно зайдет к нему с определенной целью – выпить. В некоторых домах подносит сам батюшка. в других эта роль принадлежит матушке. По этому стаканчику крестьяне определяют радушие своего батюшки»¹⁵.

⁹ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России: в 2 т. – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 458.

¹⁰ Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем (1872-1877). – М., 1987. – С. 215.

¹¹ См.: Скаржинский Л. Б. Антиалкоголизм в школах. – СПб., 1900. – С. 1.

¹² Труды первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством: в 3 т. – СПб.: Тип. МВД, 1910. – Т. 2. – С. 483.

¹³ Там же. – С. 572-573.

¹⁴ Протко Т. С. В борьбе за трезвость: страницы истории. – Минск, 1988. – С. 29.

¹⁵ Трезвая жизнь. – 1910. – № 5-6. – С. 530-531.

Но зимой добросовестное исполнение службы и треб оставляло широкие пробелы, невольно наполнявшиеся разъездами по гостям, игрою в карты, пошлыми общественными развлечениями, пьянством и развратом¹⁶. Крестьяне сетовали на то, что на свадьбах священник требовал поднести ему бутылку водки, а «то он и брачить (так в источнике. – А. Б.) не станет, несмотря на то, что берет за свадьбу 6-7 руб.»¹⁷.

Во второй половине XIX – начале XX в. уровень душевого потребления алкогольных напитков в армейской среде не являлся предметом изучения научных исследований. Поэтому говорить о традициях винопития в армии можно только на основе косвенных данных.

Летом 1913 г. только что надевший офицерские погоны лейб-гвардии кирасирского ее величества полка двадцатилетний корнет и отпрыск старинного рода князь Владимир Трубецкой завершал свой первый выход в столицу в качестве «настоящего человека»: «Я стараюсь в точности копировать известных мне наиболее манерных и тонких гвардейских франтов... Заканчиваю я день, конечно, там, куда целый год не смел и помышлять даже взойти. Я заканчиваю этот день у «Медведя», в знаменитом фешенебельном петербургском ресторане. За ужином я устало заказываю *Mout sec cordon vert* (иные марки шампанского в полку пить было не принято...) и выказываю подлинный фасон приличного гвардейца, едва выпив один бокал из поданной мне цельной бутылки дорогого вина». Нарочитая изысканность гвардейского франта или московского барина при этом не препятствовала участию в кутежах, столь же строго освященных традицией. Только что ставший офицером князь Трубецкой описал свой первый обед с однопольчанами: «Трубачи на балконе грянули оглушительный марш. Подали суп и к нему мадеру, которую разливали в хрустальные фужеры внушительных размеров. Нас, новоиспеченных, рассадили порознь, не позволив держаться вместе. Возле каждого новоиспеченного сел старый бывалый корнет, приказывавший вестовым подливать вино. Моим соседом оказался корнет Розенберг, с места выпивший со мной на брудершафт и все время твердивший: «Трубецкой, держи фасон! Пей, но фасона не теряй, это первое правило в жизни. Фасон – прежде всего, понимаешь?» «Трубецкой, давайте на брудершафт! – кричал кто-то напротив меня. – Эй, князь, выпьем на «ты», – кричали слева

и справа со всех сторон. Отовсюду ко мне протягивались бокалы с пенящимся вином. С каждым нужно было облобызаться и выпить – выпить полный бокал «от души до дна»... То, что происходило в нашем собрании, – происходило в этот день во всех прочих полках гвардейской кавалерии без исключений. Традиция требовала, чтобы в этот день напивали «в дым» новоиспеченных гвардейских корнетов, с которыми старые корнеты, поручики и штаб-ротмистры сразу пили на брудершафт.»¹⁸

Пьянство было распространено и среди солдат. Для предотвращения массового потребления алкоголя военными издавались различные постановления. Степной генерал-губернатор в постановлении от 7 января 1906 г. запрещал продажу нижним воинским чинам спиртных напитков без представления ими надлежащих разрешительных удостоверений от начальства¹⁹.

Приказ омского полицмейстера от 19 октября 1908 г., в частности, гласил: «Пьяные нижние (воинские) чины должны быть задерживаемы до вытрезвления в каталажных камерах»²⁰. Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей неоднократно предписывало продавцам в казенных лавках закрывать последние тотчас по объявлении о призыве на службу нижних чинов запаса до закрытия сборного пункта²¹.

Употребление алкогольных напитков в войсках поддерживалось благодаря «казенным винным порциям», которые выдавались строевым солдатам три раза в неделю (по 0,16 л), нестроевым – два раза. Выдавалась чарка на параде в торжественной обстановке, выпивалась залпом, натошак и без закуски. Эта торжественность винопития, санкционированная примером начальника, исключала возможность появления мысли о негативном отношении к спиртному: если начальство выдает по праздникам водку, значит, водка не зло, и пить ее можно не только по праздникам и не только по чарке²².

Винная чарка была не единственным источником пьянства в армии. В полковых буфетах и лавках разрешалась свободная продажа водки. Полк из 2500 человек тратил в среднем ежегодно на спиртные напитки в своей лавочке около 20 500 руб. (в среднем по 8,2 рубля на человека)²³.

Пьянство в среде военных набирало все большие обороты, и правительство, заинтересованное в боеспособной армии, в декабре 1908 г. приказом по военному ведомству отменило выдачу чарки,

¹⁶ См.: Леонтьева Т. Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861-1904 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2000 г. – М., 2000. – С. 47.

¹⁷ В борьбе за трезвость. – 1914. – № 3.

¹⁸ Трубецкой В. С. Записки кирасира. – М., 1991. – С. 173-174, 190-191.

¹⁹ См.: ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1160. Л. 5.

²⁰ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1195. Л. 202.

²¹ См.: ГАОО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 191. Л. 84; Д. 100. Л. 86-87.

²² См.: Протко Т. С. Указ. соч. – С. 31-32.

²³ Там же. – С. 34.

запретило продажу водки и крепких спиртных напитков в солдатских лавках и буфетах²⁴.

Вероятно, этот приказ мало кто исполнял, поскольку приказом по военному ведомству от 22 мая 1914 г. вновь было объявлено Высочайшее повеление о принятии к неуклонному исполнению мер против потребления спиртных напитков в армии. В числе принятых мер – такие, как запрещение открытых буфетов с выставкой вин и закусок, разрешение продавать спиртное только во время обедов, ужинов и завтраков в точно установленные начальниками часы, нижним чинам было воспрещено употреблять спиртные напитки на действительной службе и т. д.²⁵

Крупные купцы, фабриканты, высокооплачиваемые служащие частных фирм неоднократно устраивали недельные пиршества в ресторанах. По воспоминаниям Натрускина, такие пиршества иногда сопровождались курьезами вроде соревнований «поливки улицы вином из окон второго этажа во время ужина, который был устроен. каким-то приезжим: «Часа четыре длилась эта поливка улицы вином, причем К. велел подавать самые дорогие вина»²⁶.

Из московского ресторана «Стрельна» однажды выводили – точнее, выносили – издателя художественно-литературного журнала «Весы» Николая Рябушинского: миллионер не любил оплачивать счета и за отказ отпустить шампанское в долг поколотил директора заведения, а заодно и всех попавшихся под руку. Несмотря на усилия адвоката Рябушинского, пытавшегося доказать, что «оскорбление действием» было спровоцировано самими пострадавшими, суд приговорил миллионера к двум месяцам ареста.

Однажды в «Стрельне» «под живым впечатлением тропической флоры» купцы напились до невменяемости и тут же решили немедленно ехать в Африку, охотиться на крокодилов. Из «Стрельны» они отправились на лихачах прямо на Курский вокзал, сели в вагон... На другой день рано утром они проснулись в поезде близ Орла и были очень удивлены: почему они в вагоне, куда их везут? Ответить им никто не мог, а сами они ничего не помнили. Недоразумение объяснила случайно найденная в кармане одного из охотников записка «маршрут в Африку»²⁷.

Для интеллигенции «отдушиной» стал Татьянин день – 12 (25) января, когда студенты и профессора могли произносить самые либеральные речи, так как в полицию никого не забирали. Начинаясь с торжественного акта в Московском университете, праз-

днование быстро превращалось в массовую гулянку, как описал ее А. П. Чехов в 1885 году: «Татьянин день – это такой день, в который разрешается напиваться до положения риз даже невинным младенцам и классным дамам. В этом году было выпито все, кроме Москвы-реки, которая избежала злой участи благодаря только тому обстоятельству, что она замерзла. В Патрикеевском, Большом Московском, в Татарском и прочих значных местах выпито было столько, что дрожали стекла, а в «Эрмитаже», где каждое 12 января, пользуясь подшефным состоянием поездающих, кормят заваливающей чепухой и трупным ядом, происходило целое землетрясение. Пианино и рояли трещали, оркестры не умолкая жарили «Gaudeamus», горла надрывались и хрипли...»²⁸ Но и в обычные, не праздничные дни российские студенты (месячный доход половины из них в начале XX в. не превышал 20-30 рублей) тратили около десятой части бюджета на пиво и водку²⁹.

Вместе со студентами в «Эрмитаже» праздновали Татьянин день либеральные профессора, писатели, земцы, адвокаты. Занимая отдельные кабинеты, они выходили в общий зал, чтобы пообщаться с молодежью. Студенты же водружали их на столы и требовали произнести речь. Наставники старались не ударить в грязь лицом перед восторженной молодежью. Почтенный профессор-офтальмолог А. Н. Маклаков провозгласил: «Владимир Святой сказал: «Руси есть веселие пити». Грибоедов сказал: «Ну вот, великая беда, что выпьет лишнее мужчина?» Так почему же и нам, коллеги, не выпить в наш высокоторжественный день во славу своей науки и за осуществление своих идеалов? И мы выпьем!»³⁰

Уровень душевого потребления алкогольных напитков в конце XIX – начале XX в. имел четко выраженные социальные различия. Потребление водки было тесно связано и обусловлено народными привычками, традициями, религиозными верованиями, характером и бытом русского крестьянина. Духовенство, находясь в постоянном контакте с крестьянством, начинало перенимать традиции и обрядовые стороны потребления алкоголя. Высокий уровень потребления спиртных напитков среди рабочих объясняется тяжелыми социально-бытовыми условиями проживания и труда. Потребление алкоголя начиналось в юношеском возрасте и было широко распространено среди взрослого населения и юношества.

²⁴ См.: Протьюко Т. С. Указ. соч. – С. 35.

²⁵ См.: Маркович М. К борьбе с пьянством в армии // Трезвая жизнь. – 1914. – № 7-8. – С. 126.

²⁶ Руга В., Кокорев А. Москва повседневная: Очерки городской жизни начала XX в. – М., 2006. – С. 406.

²⁷ Там же. – С. 418-419.

²⁸ Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. – М., 1985. – Т. 4. – С. 399-400.

²⁹ См.: Иванов П. Студенты в Москве: быт, нравы, типы. – М., 1903. – С. 296.

³⁰ Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 231.